

...Александр Турков свои записи об отце Владимире Дмитриевиче, прошедшем следствие в застенках тюрьмы в Суханове, озаглавил кратко — «Зло». Приехав с отцом к стенам Сухановки уже в 1986-м, «я спрашивал себя, неужели коммунисты так и останутся безнаказанными и что я могу сделать, чтобы хоть немного, хоть чуть-чуть отплатить им...». Эти записи — и есть такая отплата.

Читаешь «Инталию» — и лишний раз не устаешь поражаться: как после всего, после таких зверств и такого палаческого разгула могли коммунисты в 1996 году от Рождества Христова рваться в России к власти и даже вполне реально рассчитывать на успех? Как могут патриоты и священники объединяться всерьез с Зюгановым, на каждом перекрестке утверждающим, что Сталин строил русское национальное государство? Такое «объединение» — предательство не просто истинны и здравого смысла, но и — тысячезеков, как умерших, так и доживающих еще среди нас.

Литератору Борису Левятову-Селиверстову не было и двадцати, когда его взяли. В Инте он писал:

Говорят, что рвали ноздри, били плетью.
Стало родине терпеть невмочь.
И от нетерпения столетье
Черное воздвигли, словно ночь.

И: «Плачь, русская земля! Плачь! Сталин умер... / Плачь, что не умер он в тот день, / Когда еще вздымал зазубренный свой юмор, / Свою выращивал удушливую тень, / Еще зарей кровавой не умывшись. / Плачь, что не умер он, / На свет не появившись».

...Завершают сборник фрагменты воспоминаний И. К. Ковальчука-Ковалю «Свидание с памятью». Он был арестован в Харбине советскими органами за принадлежность к Национально-Трудовому Союзу, самой значительной политической организации эмиграции. Срок — двадцать лет ИТЛ. «„Свидание с памятью“, — сообщает А. Я. Истоги-на, — было делом его жизни, смыслом его жизни. Публикация отрывков, даст Бог, послужит началом более полного издания этих по-своему уникальных воспоминаний».

В конце книги — фотографии авторов и в Инте, и уже на воле. Вглядываешься в лица — и мнится каждое необычным, в каждом — значительность, сосредоточенность, просветленность того особого закала, который зримо

свидетельствует, что человек выдюжил в экстремальных жизненных обстоятельствах.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ.

*

ПЕГАС ВОРВАЛСЯ В КЛАСС. Стихи, рассказы, сочинения, сказки, афоризмы и рисунки школьников Красноярского края. Редактор-составитель Р. Х. Солнцев. Журнал «День и ночь», составление, редактирование. Изд-во «Гротеск», текст, верстка. Издательский дом «Суриков», цветоделение, верстка вкладки. 1996. 303 стр.

Книга эта необычна — у нее множество авторов, и все они — дети. Детской литературой это назвать нельзя — имя уже занято, детская литература — это то, что пишут взрослые для детей. Произведения, составившие книгу, писались детьми для самих себя, для других детей, но почему-то кажется, что главное — для взрослых. Так что книга эта — шанс для взрослых заглянуть в мир, который существует для детей. Сквозь маленькие — иногда мутные, иногда пронзительно-ясные — окошки стихотворений, сочинений, сказок, рассказов увидеть их радость и боль, их страхи и разочарования, их особенность и их похожесть, но главное — удивительную живость, животворность, одушевленность того мира, который видят дети. Они с легкостью пишут рассказы от лица кукол и кошек, дневник собаки на каникулах и размышления кресла о своих хозяевах, сны снежинок или рассказ о похождениях мягкого знака. Они не то чтобы верят в чудеса — чудеса с ними просто случаются. Им не надо ничего придумывать — слишком многое просто есть. А взрослые об этом уже не помнят, потеряв способность слушать и слышать за другого, слишком занятые сами собой, чтобы подумать даже о том, отчего их малыши грустят, не говоря уже о печалях трав и цветов, прилбленного щенка или потерявшейся снежинки. Сквозь неуклюжие иногда слова детей прорываются неудержимо доброта и внимание ко всему вокруг. Может быть, поэтому все детские стихи несут на себе печать подлинности.

Иначе — у подростков. Диву даешься, насколько все сразу меняется, стоит человеку перешагнуть тринадцатилетний возраст. В центре мгновенно ока-

зывается он сам, его чувства, его переживания, боль и обида — и поразительно, до какой степени из «подростковых» стихов исчезает всякая индивидуальность. Они, за немногими исключениями, будто написаны по шаблону, однако совершенно очевидно, что каждый пытался отобразить свое собственное неповторимое чувство, свою любовь, свою разлуку. Нигде с такой наглядностью невозможно увидеть, что личность человеческая проявляется не в самовыражении, а в прислушивании к другому, в попытке выразить не собственную эмоцию, во внутренней необходимости сказать — за молчащего. Это — серьезный урок взрослым авторам и просто взрослым.

Зато подростки — прозаики, резонеры и аналитики. Дети показывают нам рай, где человек еще понимает слова вещей. Подростки ставят и решают проблемы, связанные с потерей рая. Им страшно, что их не заметят и не оценят. Они уже знают, как можно убить дружбу одним словом. И в то же время некоторые из них уже научились правильному строю души, они умеют ответить доброй улыбкой на злую усмешку.

В зависимости от способности слушать и любить удаются или не удаются сочинения по литературе. Пушкину — повезло. Внимательный глаз, руководимый любящим сердцем, рассматривал рисунки на полях его рукописей, сопоставлял их со стихами и пытался понять, чего искало быстрое перо поэта, зачем его собственный лик сквозит и в женском облике, и в лошадиной морде, и в портрете старика Вольтера. С Достоевским и Сервантесом — роковая не встреча, неслышание; то ли «глушат» писателей плотные слои толкований, то ли все еще продолжают они говорить на непонятном для нас языке, вернее, мы все еще не слышим и не понимаем произносимых ими слов. Одно отрадно: героев, стремящихся изменить лик земли, гордо высших над «людскою толпой», неподвластных человеческим слабостям и радостям, наши дети не жалуют.

Кажется, из сказанного очевидно, что книга эта — богатейший материал для самых взрослых размышлений, сопоставлений, анализов, наблюдений, выводов. А еще она — и это, наверное, главное — живой источник радости, счастья, доверия и открытости миру.

Татьяна КАСАТКИНА.

✱

ИРВИНГ КРИСТОЛ. В конце II тысячелетия. Размышления о западной цивилизации. Статьи 1970-х — 1990-х годов. Редактор Рената Гальцева. Перевод Владимира Ошерова. М. [ОО «Полиграф».] 1996. 209 стр.

Есть счастливо найденная формула — «детская болезнь левизны». Младенцы превращаются в старцев, а этот инфантильный недуг в мире Запада никак не проходит. Рецидив за рецидивом регистрирует в своих статьях, вошедших в изданный на русском языке сборник, современный американский публицист неоконсервативного направления Ирвинг Кристол, чья озабоченность тем, чтобы вправить левый вывих цивилизации, отнюдь не подкрепляется большой надеждой на немедленное чудотворное исцеление общественного организма.

Вступать в поединок с левой опасностью на коротком заводе сиюминутного политиканства или социальной конъюнктуры бессмысленно. Популистских лавров тут не обрящешь, а отрубленные головы красного змия прирастают — не успеешь оглянуться — «взад». Здесь нужна более прочная, бытийная основа убеждений. У Кристола это ветхозаветная аксиома: мир — «хорош весьма»; жизнь есть благо, ибо это — дар Божий. Взгляды Кристола не просто резюмируют его политические симпатии, но опираются на камень его веры. И с этого камня Кристол ополчается на вековечный гностицизм, исходящий из предположения, что мир безусловно плох, а человек в этом не виноват. Это предположение порождает веру в безграничный прогресс и стремление радикально перестроить действительность, переродить человечество.

Гностицизм в одеждах социализма в наше время размахнулся было во всю ширь эпохи. Кристол и сам в молодости был социалистом. Когда выветрился юношеский хмель, стало ясно, что былые грезы утопичны, человек и мир не поддаются скорой переделке, а радикальная хирургия не решает ни одной проблемы. Из зеленого социалиста вырос пронизательный критик социализма и его западной интеллектуально-художественной obsługi. Этим сюжетам в сборнике посвящено много ярких страниц, дающих попутно возможность убедиться в том, что в 70-е и 80-е годы